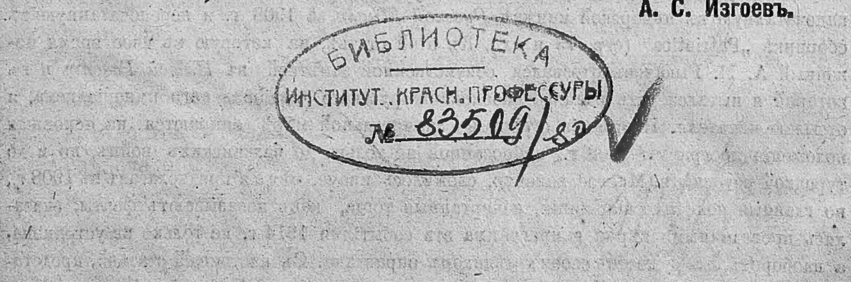
Этому лицемѣрію положительно начинаешь предпочитать откровенный цинизмъ руководимой „раскаявшимся соціалистомъ-революціонеромъ“ *Вомги*, прямо заявляющей: „Не такъ давно много говорилось о „единеніи“, о наступившемъ „всеобщемъ примиреніи“, о „единодушіи чувствъ“ и т. п. Мы думаемъ, что „единеніе“ это лишь миражъ... Стоять передъ миражемъ разиня ротъ,—безполезная потеря времени и силъ. И *Вомга* предоставляетъ это неблагодарное занятіе Маниловымъ всѣхъ сортовъ, а сама будетъ неуклонно итти своимъ путемъ“ (№ 252).

Газета обѣщаетъ и впредь бороться не только съ евреями, кадетами и прочими тайными и явными революціонерами, но даже и съ „крупенщиной“, „перекатывающейся справа налѣво“... Какъ видите, тутъ развита полная программа безпощадной внутренней борьбы весьма широкаго размаха. „Когда же и уничтожать прогрессивные элементы, какъ не теперь“. *Вомга* хорошо знаетъ и помнитъ эту фразу...

Повторяю, отмѣченные мною факты не единичны и не случайны. Въ противномъ случаѣ на нихъ не слѣдовало бы обращать никакого вниманія. Но, къ несчастью, за ними чувствуется планъ, система, быть можетъ, пока не всѣми сознаваемая. Однако внимательное наблюденіе нашей жизни вдохновило преосвященнаго Димитрія таврическаго на такія слова: „Но будетъ проходить время, и, быть можетъ, начнутся у насъ совѣтованія съ плотью, найдутся злонамѣренные люди и начнутъ мутить насъ, начнутъ нашептывать нашимъ братьямъ, что не можетъ быть успѣха у русскаго дѣла, такъ какъ де среди русскихъ много иноплеменниковъ... и, не дай Господи, успѣютъ посѣять среди насъ вражду; тогда, дѣйствительно, разстроится сердце народа, разсѣется единодушіе, и силы наши падутъ на радость нашихъ враговъ, на радость ада и его усердныхъ слугъ, злонамѣренныхъ возмутителей, смутьяновъ“.

Значительныя, проникновенныя слова. Имѣющіе уши и разумъ должны ихъ услышать...

А. С. Изгоевъ.

Великая Россія и Святая Русь.

Посвящается памяти А. М. Рыкачева.

Что такое Великая Россія? Каково содержаніе и смыслъ этой идеи?

Великая Россія есть государственная формула Россіи какъ національнаго Государства-Имперіи [1]). Россія есть государство національное. Она создана развитіемъ въ единую націю русскихъ племенъ, слившихъ съ собой, претворившихъ въ себя множество иноплеменныхъ элементовъ. Ходъ развитія и сложенія Россіи есть весьма характерный случай тѣсной связи между государственнымъ и національнымъ развитіемъ. Въ государствѣ складывалась и крѣпла нація и націей скрѣплялось и расширялось государство. Не всегда въ исторіи дѣло происходило такъ. Греческая національность сложилась и окрѣпла во множествѣ государствъ; то же было съ національностью нѣмецкой. Русскія племена были отчасти внутреннимъ сцѣпленіемъ, отчасти внѣшнимъ давленіемъ сдвинуты въ единое государство и въ немъ спаялись въ единую націю. Это національное государство-ядро, поставленное въ опредѣленную географическую среду, росло путемъ расширенія, а не уплотненія; именно расширяясь, оно захватывало въ сферу своего воздѣйствія иноплe-

[1]) Факту и идеѣ „Великой Россіи" я посвятилъ подъ этимъ заголовкомъ статью, напечатанную въ январской книжкѣ *Русской Мысли* за 1908 г. и перепечатанную въ сборникѣ „Patriotica" (стр. 73 и сл.). Къ этой статьѣ, на которую въ свое время покойный А. М. Рыкачевъ отозвался сочувственной замѣткой въ *Нашей Газетѣ* и въ которой я пытался дать идейное обоснованіе русскаго національнаго имперіализма, я отсылаю читателя. Настоящія строки въ значительной мѣрѣ опираются на основныя положенія программы 1908 г., набросанной не только до балканскихъ войнъ, но и до турецкой революціи. Многое, конечно, сложилось иначе, чѣмъ я предполагалъ въ 1908 г., но главныя политическія линіи, начертанныя тогда, какъ показываютъ факты, оказались проведенными вѣрно и программа эта событіями 1914 г. не только не устранена, а наоборотъ, въ существѣ своемъ цѣликомъ оправдана. Съ настоящей статьей, представляющей въ значительной мѣрѣ позднѣйшую запись публичной лекціи-рѣчи, произнесенной въ Москвѣ 22 ноября с. г., я бы просилъ сопоставить также мою статью „Чему учитъ и къ чему обязываетъ война?", напечатанную въ журналѣ *Отечество* (№ 4 за текущій годъ).

менные элементы. Связь этихъ элементовъ съ русскимъ государственно-національнымъ ядромъ различная: въ однихъ случаяхъ чисто или по преимуществу государственная, въ другихъ случаяхъ государственно-культурная, доходящая въ окончательномъ своемъ развитіи до полнаго уподобленія, обрусенія „инородцевъ". Между этими двумя видами связи въ ихъ чистомъ видѣ (назовемъ ихъ: государственная инкорпорація и національное претвореніе) существуетъ рядъ переходныхъ ступеней или формъ.

Такимъ образомъ, географически расширяя свое національное ядро, русское государство превратилось въ государство, которое, будучи многонароднымъ, въ то же время обладаетъ національнымъ единствомъ.

Такого рода государственное образованіе мы называемъ Имперіей, когда этимъ словомъ выражаемъ особое понятіе, имѣющее свое собственное содержаніе. Могутъ быть многонародныя государства, лишенныя національнаго ядра, ихъ скрѣпляющаго. Но такія многонародныя государства, каковы бы ни были ихъ размѣры и какое бы государственное устройство они ни имѣли, не суть Имперіи. Многонародная Швейцарія не есть Имперія; не является Имперіей, несмотря на свой офиціальный титулъ, несмотря на историческія традиціи могущества, Австро-Венгрія. Ибо ни въ дуалистическомъ цѣломъ, ни въ обоихъ его частяхъ нѣтъ національнаго ядра. Наоборотъ, подлинными Имперіями являются Англія, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, Россія.

Наличность національнаго ядра въ многонародномъ цѣломъ обусловливаетъ одну характерную для подлинныхъ Имперій черту: ихъ способность и волю къ расширенію. Многонародныя государства, лишенныя національнаго ядра, не могутъ и не хотятъ расширяться. А если въ ихъ политикѣ и обнаруживается воля къ расширенію, то такая воля оказывается ложной въ своей основѣ и потому пагубной для самаго бытія этихъ государствъ. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить опять-таки та же Австро-Венгрія. Въ стремленіи Австро-Венгріи къ балканскому расширенію заключалось внутреннее противорѣчіе. Расширяясь на Балканахъ, Австро-Венгрія не могла этимъ усиливать своего національнаго ядра, ибо такого вообще нѣтъ. Она могла расширяться на юго-востокъ только на счетъ Сербіи, но введеніе въ Австро-Венгрію сербскаго элемента означало бы усиленіе ея многонародности въ цѣломъ и дальнѣйшее національное разложеніе Венгріи. Австро-Венгрія желала, но не могла быть Имперіей.

Расширеніе національнаго государства въ Имперію можетъ носить разный характеръ, въ зависимости отъ историческаго прошлаго такого государства и тѣхъ реальныхъ условій, въ которыя оно поставлено. Имперское расширеніе можетъ быть экстенсивнымъ и внѣшнимъ, сводясь къ присоединенію новыхъ областей; оно можетъ быть интенсивнымъ и внутрен-

нимъ, сводясь къ претворенію уже присоединенныхъ областей. Наконецъ, эти два вида расширенія могутъ сочетаться.

Великая Россія есть государственная формула Россіи, какъ Имперіи. Она выражаетъ силу Россіи, но силу не только внѣшнюю или матеріальную, даже—не только государственную.

Вообще, нельзя въ примѣненіи къ государству говорить лишь о матеріальной или внѣшней силѣ. Всякая подлинная сила, дѣйствующая черезъ государство, въ исторіи ее творящая, есть сила культурная и тѣмъ самымъ духовная. Государство-Имперія опирается на націю, а нація есть духовное понятіе и духовная сила. Вообще, въ историческихъ судьбахъ народовъ и государствъ сила и правда суть моменты, дѣйствительное соотношеніе которыхъ отнюдь не можетъ быть мыслимо просто какъ раздѣльность или противоположеніе. Длительное торжество такъ называемой „грубой силы" въ исторіи невозможно.

Вопросъ о силѣ и правдѣ есть труднѣйшая метафизическая проблема и роковая загадка исторіи для лицъ и народовъ. Одно можно сказать, что то воззрѣніе, которое заранѣе подозрѣваетъ и осуждаетъ силу (такъ относился къ силѣ Левъ Толстой), тѣмъ и грѣшитъ, что не улавливаетъ необходимой связи между силой и правдой. Во всякой подлинной силѣ не можетъ не быть элемента духовности и всегда правда стремится воплотиться въ силу. Сила всегда хочетъ оправдать себя, а правда—возобладать. Это прекрасно понимали великіе мыслители англосаксонскаго міра, Карлейль и Рёскинъ.

Великая Россія есть фактъ, но не только фактъ. Это идея и идеалъ, нѣчто не только осуществившееся, но и осуществляющееся.

Война 1914 г. призвана довести до конца внѣшнее расширеніе Россійской Имперіи, осуществивъ ея имперскія задачи и ея славянское призваніе.

Прежде всего, Россія должна возсоединить и объединить съ Имперіей всѣ части русскаго народа. Отсюда вытекаетъ историческая неизбѣжность присоединенія къ Имперіи русской Галичины. Такое присоединеніе необходимо—какъ это, къ сожалѣнію, съ полной ясностью обнаружилось именно въ связи съ этой войной—и для внутренняго оздоровленія Россіи, ибо австрійское бытіе малорусскаго племени породило и питало у насъ уродливый такъ называемый „украинскій" вопросъ. Во-вторыхъ, Россія призвана въ томъ или другомъ объемѣ возродить Польшу, какъ единый національный организмъ. Задача эта теперь ясна одинаково и для русскаго правительства и для русскаго общества. Психологически она вошла въ русское сознаніе какъ великая національная задача Россіи именно въ 1914 г. Наконецъ, Россія должна подчинить своему „контролю", или иначе вліянію и власти проливы, т.-е. выходъ изъ Чернаго моря въ Средиземное. Это для самой Россіи—экономическая и полити-

ческая необходимость, но въ то же время это—необходимость и для всѣхъ народовъ Ближняго Востока, ибо присутствіе Россіи на проливахъ есть единственное, необходимое и достаточное, обезпеченіе мирнаго сожительства христіанскихъ народовъ Ближняго Востока.

Послѣ завершенія роли прямой освободительницы христіанскихъ народовъ отъ турецкаго ига, Россія теперь призвана осуществлять миссію—могущественнаго умиротворителя и третейскаго судьи между христіанскими народами, наслѣдниками османскаго государства.

Обладаніе проливами необходимо Россіи для нея самой, но оно же необходимо ей и для ея миротворческой и объединяющей роли на Ближнемъ Востокѣ. „Весь этотъ вѣкъ — пророчески указывалъ Достоевскій въ 1877 г., — можетъ быть, придется Россіи бороться съ ограниченностью и упорствомъ славянъ, съ ихъ дурными привычками, съ ихъ несомнѣнной и близкой измѣной славянству... Послѣ разрѣшенія славянскаго вопроса Россіи очевидно предстоитъ окончательное разрѣшеніе восточнаго вопроса. Россія, владѣя Константинополемъ, будетъ стоятъ именно какъ бы на стражѣ свободы всѣхъ славянъ и всѣхъ восточныхъ народностей, не различая ихъ съ славянами. Мусульманское владѣніе было во всѣ эти столѣтія для всѣхъ этихъ народностей не единительной, но подавляющей силой и они при немъ шевельнуться не смѣли, т.-е. вовсе не жили какъ люди. Съ уничтоженіемъ же мусульманскаго владычества можетъ наступить въ этихъ народностяхъ, выпрыгнувшихъ вдругъ изъ гнета на свободу, страшный хаосъ. Такъ что не только правильная федерація между ними, но даже просто согласіе—есть безъ сомнѣнія лишь мечта будущаго. А пока новой единительной для нихъ силой и будетъ Россія, именно тѣмъ отчасти, что твердо станетъ въ Константинополѣ. Она спасетъ ихъ другъ отъ друга и именно будетъ стоять на стражѣ ихъ свободы. Она будетъ стоять на стражѣ всего Востока и грядущаго порядка его“ [1]).

Но Великая Россія есть не только идея и идеалъ внѣшняго расширенія Россійской Имперіи. Это есть идеалъ правовой, тѣсно связанный съ духовно-религіозной идеей.

Великая Россія для того, чтобы быть живой силой и органическимъ единствомъ, должна дѣйствительно осуществить тѣ начала правового порядка и представительнаго строя, которыя были возвѣщены 17 октября 1905 г.

Въ такой политикѣ внутренняго устроенія Великой Россіи на началахъ утвержденія права и осуществленія правъ уже намѣчается связь съ другимъ фактомъ и съ другой идеей русскаго духовнаго бытія.

---

[1]) Это одно изъ поразительно вѣрныхъ пророчествъ Достоевскаго, рядомъ съ другими, совершенно невѣрными.

Мы знаемъ и любимъ не только Великую Россію. Мы знаемъ и любимъ еще больше другое лицо, которое являетъ передъ нами нашъ народъ и наша страна.

Кромѣ Великой Россіи есть Святая Русь.

Если въ Великой Россіи для насъ выражается фактъ и идея русской силы, то въ Святой Руси мы выражаемъ фактъ и идею русской правды.

Государство и государственная мощь не есть ни единственная, ни конечная цѣнность для человѣческаго сознанія. Мы надѣемся, мы вѣримъ, мы хотимъ, чтобы самое государственное наше бытіе было подчинено не механически и не доктринально, а органически, въ живомъ народномъ дѣланіи высшей религіозной идеѣ. Словомъ, мы вѣримъ въ союзъ Великой Россіи и Святой Руси.

И эту вѣру мы обрѣтаемъ въ томъ, какъ переживается національнымъ сознаніемъ великая европейская война, въ томъ подлинномъ ликѣ, съ которымъ намъ предстаетъ русская армія.

Я много слышалъ разсказовъ лицъ, соприкоснувшихся съ нашей арміей тамъ, гдѣ она совершаетъ свой великій жертвенный подвигъ, на передовыхъ позиціяхъ, въ окопахъ. Тамъ русская армія выступаетъ передъ всѣмъ міромъ какъ огромный потокъ организованной вооруженной силы. Но въ разсказахъ разныхъ наблюдателей, русскихъ и иностранцевъ, я уловилъ еще нѣчто другое: эта же грозная армія воплощаетъ въ себѣ не только великую мощь Великой Россіи, но и духовную силу Святой Руси, силу подвига, силу страданія и смиренія.

Такъ тамъ на поляхъ брани и смерти, въ безконечномъ подвигѣ безчисленныхъ и безыменныхъ героевъ сѣрой крестьянской арміи, осуществляется религіозное чудо сліянія силы и правды, разрѣшается величайшая загадка исторіи.

Петръ Струве.

